

СЛУЖБА ОФИЦЕРОВ В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: СТАТУС, БЫТ, ДОСУГ

© 2017 г. П.Г. Култышев^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

SERVICE OF OFFICERS IN THE RUSSIAN IMPERIAL GUARD OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: STATUS, LIFE, LEISURE

P.G. Kultyshev^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Култышев Павел Геннадьевич –
кандидат исторических наук,
старший преподаватель, кафедра истории России,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: halchard@mail.ru

Pavel G. Kultyshev -
Candidate of History,
Senior Lecturer, Department of History of Russia,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: halchard@mail.ru

Рассматривается положение офицеров Русской императорской гвардии в начале XX в. Русская императорская гвардия, созданная Петром I и продолжавшая численно расширяться в последующие двести лет, стала со временем не только элитой, эталоном русской армии, но и одной из опор самодержавия. Русская гвардия начала XX в. представляла собой элитную часть русской армии, наделённую самыми различными привилегиями и неформальными правилами, которые тем не менее были обязательны к исполнению. Одни привилегии способствовали более быстрому и успешному карьерному росту, а другие – выражались в особом и пристальном внимании властей к нуждам и чаяниям гвардейских офицеров. Неформальные правила и табу в определённой степени усложняли вопрос о вступлении в брак и являлись частью офицерских представлений о чести. Данные ограничения и степень ответственности, которая накладывалась самим статусом гвардейских полков, могли приводить к серьёзному психологическому напряжению среди офицеров гвардии. Одним из путей избавления от данного состояния были шумные праздники и возможность выйти за рамки дозволенного в период веселья. При этом привилегированный статус гвардии приводил и к обострению отношений между офицерами гвардейских и обычных армейских полков.

Ключевые слова: Русская императорская гвардия, статус, быт, досуг, начало XX века.

In this article, the position of the Russian imperial guard officers at the beginning of the 20th century is considered. The Russian imperial guard created by Peter I and continuing to extend in number, in the next two hundred years became not only elite, a standard of the Russian army, but also one of autocracy support. The Russian guard of the beginning of the 20th century represented the elite part of the Russian army allocated with the most various privileges and informal rules which, nevertheless, were obligatory to execution. Some privileges promoted more rapid and successful career development, and others – drew special and close attention of the authorities to needs and expectations of Guards officers. Informal rules and a taboo to some extent complicated the issue of marriage and were a part of officer's ideas of honor. These restrictions and degree of responsibility which were imposed by the status of Guards regiments could lead to serious psychological tension among officers of the guard. Noisy holidays and an opportunity to be beyond permitted in the period of fun were one of ways of disposal of that state. At the same time, the exclusive status of guard led also to straining of relations between officers of Guards and usual army regiments.

Keywords: Russian imperial guard, status, life, leisure, beginning of the 20th century.

Русская армия начала XX в. не была однородным и монолитным организмом. В соответствии с самыми различными критериями русская армия делилась по родам и видам войск. Внутри отдельных родов войск существовала

взаимная конкуренция, иногда переходящая из здорового духа состязательности в резкое чувство взаимного антагонизма и зависти. Офицерский состав начала XX в. ускоренными темпами терял свою замкнутую корпоративность, а

среди офицеров на младшем уровне начинали доминировать выходцы из мещан и интеллигенции. Данное обстоятельство накладывало дополнительный отпечаток, усугублявший уже социальные и политические предпочтения внутри офицерского корпуса и армии в целом. Но наиболее серьёзные различия внутри русской армии проходили между гвардейскими и обычными армейскими полками.

К началу XX в. Русская армия насчитывала более 30 полков лейб-гвардии, которые были расквартированы в Санкт-Петербурге и его окрестностях, Москве и Варшаве. Социальный состав гвардейских полков отражал сословную структуру российского общества. На 91,8 % офицерский корпус русской гвардии состоял из дворян [1, с. 34]. Однако в начале XX в. в русской гвардии, как и во всей армии в целом, стало проявляться постепенное проникновение выходцев из иных сословий, которые благодаря своему финансовому состоянию могли себе позволить службу в гвардейских полках. Данное явление не осталось без последствий. «Это проникновение недворянского элемента в гвардию вызвало в определенной части гвардейского “родового” офицерства оппозиционное... настроение. В гвардии шло своеобразное “классовое” расслоение. Оно сказывалось и внутри полков, и в междуполковых отношениях: при внешней чрезвычайной корректности отношения эти... достигали в отдельных случаях большой остроты» [2, с. 18]. Но если в обычных полках этот процесс был необратимым, то для гвардии проникновение представителей мещанства, купечества, буржуазии и интеллигенции было затруднено весьма немаловажным фактором: для поступления в состав полка требовалось не только соответствующее образование и финансовый достаток, но и одобрение кандидатуры молодого офицера всем офицерским собранием полка. И в иных случаях офицеры могли воспротивиться и выказать своё нежелание принимать в свой круг того или иного офицера. Благодаря этому и другим обстоятельствам офицерский состав гвардии всё же сохранял свою социальную монолитность и некоторую замкнутость. Рядовой же состав набирался исключительно из крестьян славянской внешности; процент протестантов, католиков и мусульман был крайне низок. Недопустимым был призыв лиц иудейского вероисповедания [1, с. 34]. Выбрав дворянско-крестьянский принцип комплектования гвардии, командование и власти исходили, по-видимому, из того, что

оба сословия являются искренними приверженцами монархического строя и могут служить ему верной опорой ещё долгие годы.

Служба в армейских и гвардейских частях имела множество различий, а привилегии гвардейских офицеров нередко служили своеобразным яблоком раздора среди офицеров русской армии. Главным камнем преткновения среди армейских и гвардейских офицеров были особенности чинопроизводства. Звание подпоручика в гвардии приравнивалось армейскому поручику, поручика – штабс-капитану, штабс-капитана – капитану. В случае же перевода гвардейского офицера в обычный армейский полк ему присваивался следующий чин. В силу того, что в гвардии не было чина «подполковника» переводившиеся в армейские части гвардейские офицеры сразу же получали чин полковника. В общем и целом карьерная лестница гвардейских офицеров была более короткой и более стремительной: уже на 19-м году службы гвардейский офицер мог стать полковником, в то время как в армейских частях необходимо было пройти путь в 29 лет [3, с. 31]. Более того, рознь между армейским и гвардейским офицерством пролегалась и на уровне материального обеспечения частей и внимания властей к отдельным полкам. Каждый гвардейский полк имел официально покровителя – шефа, которыми обычно были члены императорской фамилии. На их средства, поступавшие из государственной казны, строились богато украшенные здания офицерского собрания, а отличившиеся офицеры могли рассчитывать на прибавку к жалованию. Так, благодаря шефской помощи императрицы Марии Фёдоровны в расположении лейб-гвардии Кирасирского полка были выделены значительные земельные площади под постройку нового лазарета и здания офицерского собрания [4, с. 39]. Более того, в гвардейские полки попадали лишь избранные офицеры, заранее позаботившиеся не только об отличных баллах при выпуске из военного училища, но и о необходимых связях. Помимо всего прочего, гвардейские полки были частыми участниками всевозможных церемоний и торжественных мероприятий с участием царя, его родственников и представителей зарубежных делегаций. Офицеры, поступившие в гвардию, делали более успешную и быструю карьеру, чему в немалой степени способствовала не только специфика чинопроизводства, но и многочисленные знакомства, как правило, зарождавшиеся на светских балах и пышных манёврах. Всё это позволяло

гвардейским офицерам смотреть на остальных собратьев по оружию свысока.

Весьма непростым было положение армейских офицеров, переведённых в гвардию. Так, Н. Воронович офицер лейб-гвардии Преображенского полка, описывая отношение старших полковых офицеров к командиру полка генералу Лопухину, останавливается на следующем: «Генерал Лопухин (...) являлся первым и единственным командиром гвардейского полка, не служившим ранее в гвардии. Поэтому старшие гвардейские офицеры относились к нему с некоторым пренебрежением, считая его “выслужившимся армейцем”» [5, с. 46–47]. По мнению В.С. Трубецкого, только «в гвардейской конно-артиллерии совершенно отсутствовала та полковая чванливость и снобизм, который был так присущ гвардейским частям» [6, с. 145]. Отмечая эти особенности, А.И. Деникин писал, что гвардия «составляла замкнутую касту» внутри всей армии [7, с. 320]. Но и внутри этой «касты» имелись свои предпочтения и свои соперники. Так, по словам Ю.В. Макарова, отношений «между полками гвардии в сущности не было никаких. Каждый полк жил своей замкнутой жизнью» [8]. При этом были «полки, между которыми наблюдалось соперничество и даже некоторая натянутость отношений» [8]. Подобная рознь распространялась не только по вертикали (между полками), но и по горизонтали (по родам оружия) [7, с. 323–324]. Данная проблема обсуждалась в военной печати вплоть до самого начала Первой мировой войны [9], а эмигрировавшие офицеры русской армии посвятили ей ни одну страницу своих мемуаров. В мирное время разница в положении офицеров армейских и гвардейских полков оставалась причиной взаимной неприязни и была хорошо известна выпускникам военных училищ.

О коренных различиях гвардейских и армейских полков молодые офицеры были хорошо осведомлены ещё в период своего обучения в военных училищах. Поступление в тот или иной полк зависело от набранных в училище баллов. Но и выпускники элитных военных училищ также обязаны были пройти процедуру знакомства с офицерами своего будущего полка. «Это положение не обуславливалось каким-либо законом, – подчёркивает в своих мемуарах М.А. Свечин, – но давно вошло в обычай и поступление в полк, минуя желания его офицеров, ставило нарушителя в невозможное положение служения среди не сочувствующих ему. А потому едва ли

кто-либо мог решиться на подобный шаг» [4, с. 18]. Более того, при выборе полка юнкер вынужден был считаться и с чисто материальными условностями, часто имевшими финансовую подоплёку. Иными словами, чем выше был авторитет полка (который обычно измерялся его возрастом и количеством военных кампаний) и престижной стоянкой (обычно Москва, Санкт-Петербург или Варшава), тем и дороже была жизнь офицеров. Так, в совместной работе группы офицеров уточнялось, что «при выходе из военного училища, а потом при переводах из части в часть каждый должен был считаться с наличием “дорогих стоянок”» [10, с. 146] и существовавших в них финансовых обязательствах офицеров. Например, во многих полках русской армии существовали не только официальные, но и не официальные выплаты офицеров из личных средств. Подобный список мог включать в себя такие пункты, как обязательный подарок сослуживцу при его уходе из полка, угощение высоких гостей и иностранных делегаций, устройство торжественных обедов или ужинов в честь самых разнообразных праздников [10, с. 145–146]. При этом количество военно-исторических и религиозных праздников, отмечаемых в армии в 1908 г., достигло 214 дней [11].

В соответствии с неформальными правилами, гвардейские офицеры обязаны были посещать только «приемлемые» рестораны, славившиеся хорошей кухней и высоким обслуживанием. Однако в таких ресторанах бутылка недорогого вина – обязательного атрибута на офицерском столе – могла стоить около 12 рублей. Жалование гвардейского офицера составляло в среднем около 100 рублей, а неизбежные расходы порой превышали эту цифру в 10, а то и более раз. Например, служба в кирасирских полках 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии могла обойтись офицеру в сумму не менее чем в 3000 рублей в год [12, с. 108]. В лейб-гвардии Гусарском полку, затраты офицера на соответствующую его статусу жизнь, могли достичь цифры и 6000 рублей в год [12, с. 108]. В итоге расходы в гвардейских полках были для молодых офицеров настолько велики, что зачастую превышали офицерское жалование в несколько раз и заставляли идти по пути бесконечных займов или до минимума урезать собственные нужды.

Более трудным было финансовое положение молодых женатых офицеров. Расходы на семью и посещение вновь обретенных родственников с обязательными подарками также вычерпывали

небольшое офицерское жалование до последней капли. Примечательно, но выбор жены был для молодого офицера поступком крайне серьёзным и непростым. Она должна была принадлежать к привилегированным слоям населения и иметь незапятнанную репутацию. Очень строго, по словам А.И. Деникина, «относились к неравным бракам в войсках гвардии, где офицерам по этой причине приходилось нередко оставлять полк» [7, с. 317], после чего следовал переход в армейскую часть. Однако выбор невесты из соответствующего гвардейскому полку социального слоя также мог обернуться для молодого офицера дополнительными статьями расхода. Всё это приводило к тому, что от офицерского жалования фактически ничего не оставалось.

Вместе с тем в офицерской среде очень строго следили за теми, кто не мог обеспечить себе подобный уровень жизни и был вынужден занимать крупные суммы денег, не возвращая их в срок. Офицер, не рассчитавший свои финансовые возможности, должен был, по словам М.А. Свечина, «быстро покинуть полк» [4, с. 18]. Зная о подобных трудностях, старшие полковники (чаще всего совмещавшие должности председателя «общего собрания» и «суда чести») напутствовали вновь поступивших офицеров, соблюдая строгую конфиденциальность данной беседы [6, с. 176–177]. Но с должниками гвардия прощалась без сожаления. Ю.В. Макаров позже вспоминал: «... если долг был не погашен, происходила экзекуция. Офицер снимал форму, долг его раскладывался на всех, а имя его попадало в “чёрную книгу”» [8]. Впрочем, офицеры попадали в «чёрную книгу» не только за долги, но и за иные, не совместимые со званием гвардейского офицера поступки. В этом случае имя провинившегося офицера бесследно пропадало со всех мест, где оно могло фигурировать: стиралось с полкового серебра и удалялось со всех памятных табличек [8]. Дальнейшая служба такого офицера протекала в полках обычной армии, куда его переводили в качестве наказания.

Частью досуга офицеров гвардии были самые различные праздничные мероприятия. Почти каждый праздник предполагал не только парад полка и приглашение гостей, но и щедрый стол с подарками. Чаще всего под аккомпанемент полкового оркестра офицеры отмечали праздники в офицерском собрании, но по отдельным случаям собирались и в местных ресторанах. Крупные города в подобные дни находились в полном распорядке столичных офицеров, а их поведение

в городе определялось тем правилом, которое можно свести к следующей формулировке: избранность порождает безнаказанность. Авторство этой формулы принадлежит офицеру В. Литтауэру [13, с. 103]. В своих воспоминаниях он пишет, что «только наш брат офицер может давать оценку нашим действиям» [13, с. 45]. Некоторые рестораны были настолько популярны у столичных офицеров, а их пребывание всегда обещало крупные заказы и не менее крупные чаевые, что в качестве музыкального фона при их появлении обязательно выступал марш их родного полка [8; 13, с. 93]. Не редки в среде офицеров были и частные вечеринки. Местом общего сбора становился крупный особняк (или съёмная квартира) одного из офицеров. Собравшиеся готовили «жжёнку, стреляли из пистолетов, опробовали новые винтовки» [13, с. 101]. У В.С. Трубецкого можно обнаружить массу ярких и колоритных описаний того, как офицеры отмечали тот или иной праздник [6, с. 71]. В завершении одного из них, автор замечает, что по окончании пиршества, которое продолжалось весь день «во всем расположении полка нельзя было найти ни единого трезвого кирасира» [6, с. 127]. Работа в лагерях и полевые смотры также являлись дополнительным поводом к подобному времяпрепровождению. Побывав не раз на подобных учениях, Ю.В. Макаров писал: «Смотры, как общее правило, сходили отлично, после чего начальство приглашалось в Собрание, зимой к завтраку, летом в лагерях к обеду. Завтраки и обеды, которые и так были хороши, увеличивались еще на одно блюдо, ставилась богатейшая горячая закуска и выкатывалось море вина. (...) Высоких гостей считалось обязательным хорошенько подпоить» [8]. Такое же описание лагерных учений имеется и в мемуарах В.С. Трубецкого, когда автору воспоминаний пришлось прятать опьяневшего товарища от внезапного появления старшего офицера [6, с. 89–91]. Завершая описание очередных учений, Ю.В. Макаров с сожалением замечает, что такие смотры иначе как пьянством не назовёшь [8]. А и как могло быть иначе, когда водка изготавливалась «своими средствами» в офицерском собрании, а легкое французское вино выписывалось из Франции бочками [8].

Однако помимо дорогих ресторанов и шумных компаний другим средством развлечения столичных офицеров были театры и светские балы. Поход в театр или на балет требовал от офицера не только изрядных затрат на извозчика, поправку формы, но и на билеты – гвардейский

офицер на смел сидеть далее пятого ряда [8], а если он шёл один, то обязан был занимать кресла только в первых рядах [13, с. 81]. Аналогичные правила существовали и для нижних чинов гвардии. Был составлен список театров, посещение которых не воспрещалось, сидеть в них полагалось по-особенному: не ниже 2-го яруса и не ближе 10-го ряда [14, л. 631]. Подобное времяпрепровождение в начале XX в. требовало от молодых офицеров, расквартированных в Москве или в Санкт-Петербурге, и соответствующего финансового обеспечения. При этом в офицерской среде не приветствовалась скупость на чаевые и на угощение для полковых товарищей.

Таким образом, в бытовом плане офицерская служба в гвардейских полках представляла собой весьма мозаичное полотно. С одной стороны офицеры гвардии были наделены разнообразными привилегиями, которые всячески способствовали и более быстрому карьерному росту и поднимали авторитет офицеров гвардии на большую высоту. Более того, гвардейские офицеры были близки к великосветской жизни и не обойдены вниманием со стороны особ императорской крови и военного министерства. Данные факторы создавали вокруг гвардии ореол избранности, что в свою очередь противопоставляло её обычным армейским полкам. Но с другой стороны, жизнь армейского офицера была наполнена различными неформальными правилами и табу, которые ограничивали его не только в финансовом плане, но и создавали серьёзные преграды как в устройстве личной жизни, так в решении иных вопросов. При этом офицеры гвардии славились высокомерием и умением устраивать пышные праздники и парады. Привилегированный статус гвардии служил одновременно эталоном для всей русской армии и объектом некоторой зависти со стороны офицеров армейских полков. Но, как показал ход истории, если рознь среди офицеров и была изжита в условиях Первой мировой войны, то та же война привела к тому, что гвардия под занавес февраля 1917 г. уже перестала быть верной опорой самодержавию и одной из первых выступила на стороне Революции.

Литература

1. Тихомиров А.В., Чанкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 32–51.

2. Масловский С. Отрывки о пятом годе // Каторта и ссылка. 1928. № 2 (39). С. 7–36.

3. Залесский, полковник. Немного статистики // Разведчик. 1906. № 794–795.

4. Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. 212 с.

5. Воронович Н. Всевидящее око. Из быта русской армии. Нью-Йорк, 1951.

6. Трубецкой В.С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991. 222 с.

7. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.

8. Макаров Ю.В. Служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, 1951. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/03.html (дата обращения: 25.05.2017).

9. Галкин М. Рознь или братство // Военный сборник. 1914. № 5. С. 21–34.

10. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф., Гранитов В., Каширин С., Петрашкевич А., Рожченко М., Цешке В., Шайдицкий В., Эйхенбаум И. Российские офицеры // Офицерский корпус Русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. М., 2000. С. 127–153.

11. Вапилин Е.Г. «Все беды в России от праздников?» // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 70–73.

12. Марыняк С. Погибнуть или победить. Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 108–114.

13. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. 304 с.

14. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 817. Оп. 1. Д. 157-А.

References

1. Tikhomirov A.V., Chapkevich E.I. Russkaya gvardiya v Pervoi mirovoi voine [Russian Guard in the First World War]. *Voprosy istorii*. 2000, No. 9, pp. 32–51.

2. Maslovskii S. Otryvki o pyatom gode [Fragments about the Fifth Year]. *Katorta i ssylka*. 1928, No. 2 (39), pp. 7–36.

3. Zaleskii, polkovnik. Nemnogo statistiki [Some Statistics]. *Razvedchik*. 1906, No. 794–795.

4. Svechin M.A. *Zapiski starogo generala o bylom* [Notes of the Old General about the Past]. Nice, 1964, 212 p.

5. Voronovich N. *Vsevidyashchee oko. Iz byta russkoi armii* [All-Seeing Eye. From the Life of the Russian Army]. New York, 1951.

6. Trubetskoi V.S. *Zapiski kirasira* [Notes of a Cuirassier]. Moscow: Rossia, 1991, 222 p.
7. Denikin A.I. *Staraya armiya. Ofitsery* [The Old Army. Officers]. Moscow: Airis-press, 2005, 512 p.
8. Makarov Yu.V. *Sluzhba v Staroi Gvardii. 1905-1917* [Service in the Old Guard 1905 - 1917]. Buenos Aires, 1951. Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/03.html (accessed 25.05.2017).
9. Galkin M. Rozn' ili bratstvo [Contradictions or Brotherhood]. *Voennyi sbornik*. 1914, No. 5, pp. 21-34.
10. Messner E., Vakar S., Verbitskii F., Granitov V., Kashirin S., Petrashkevich A., Rozhchenko M., Tseshke V., Shaiditskii V., Eikhenbaum I. Rossiiskie ofitsery [Russian officers]. *Ofitserskii korpus Russkoi armii. Opyt samopoznaniya* [Officers Corps of the Russian Army. Experience of Self-knowledge]. Russian military collection. Moscow, 2000, pp. 127-153.
11. Vapilin E.G. «Vse bedy v Rossii ot prazdnikov?» [“All the Troubles in Russia from the Holidays?”]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2003, No. 2, pp. 70-73.
12. Marynyak S. Pogibnut' ili pobedit'. Byt i traditsii Rossiiskoi Imperatorskoi Gvardii [To Perish or to Win. Life and Traditions of the Russian Imperial Guard]. *Rodina*. 2000, No. 11, pp. 108-114.
13. Littauer V. *Russkie gusary. Memuary ofitsera imperatorskoi kavalerii. 1911-1920* [Russian Hussars. Memoirs of an Officer of the Imperial Cavalry. 1911-1920]. Moscow, 2006, 304 p.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO) [The State Archives of the Rostov Region]. Fund. 817. In. 1. File 157-A.

Поступила в редакцию / Received

22 мая 2017 г. / May 22, 2017